

Коммерсант-Daily, 1997. - 29 окт. - с. 13

Успех «Современника» в Америке предопределен

Московский театр начинает бродвейские гастроли

Сегодня на Бродвее в театре Martin Beck начинаются гастроли спектакля «Вишневый сад» московского театра «Современник». В Мировую постановку художественного руководителя театра Галины Волчек показали всего один раз. Критиков и журналистов на премьеру не позвали. Возможно, театр решил оставить право первых откликов американской прессе. Обозреватель «Коммерсанта-Daily» РОМАН ДОЛЖАНСКИЙ, сумевший (несмотря на нарочитую «секретность» премьеры) посмотреть спектакль в родных стенах, считает, что первая рецензия все-таки должна появиться не в американском, а в российском ежедневнике.

«Вишневый сад» Галине Волчек не удался. Но момент для его постановки она выбрала верно. Точнее, верно выдержала паузу. И после предыдущей собственной версии на сцене «Современника» (многочисленные следы того «Сада» остались в новом спектакле и время от времени дают о себе знать), и после полемически разнообразных звуков лопнувших струн, наполнивших (учитывая многочисленных гастролеров) московскую сцену несколько лет назад. Театр немного отдохнул. Сейчас при упоминании чеховской пьесы никто не закатывает глаза, не шипит, как случалось еще совсем недавно, сколько же можно слушать этот текст.

Впрочем, от сопоставлений с прочими трактовками, как радикально-хулиганскими, так и раболобно-старомодными, спектакль Волчек защищен не только дистанцией времени. Этот «Вишневый сад» нельзя сравнить с другими, потому что отсутствует привычный предмет сравнения. А именно вынятая интерпретация. Когда-то Георгий Товстоногов говорил, что в спектакле есть решение, если его можно украсить. Из спектакля «Современника» абсолютно нечего умыкнуть. На те крохи, что все-таки выставлены для улаживания возможных воров, вряд ли кто-нибудь польстится.

Какется, режиссера вел не конкретный замысел, но аб-

страктное понимание необходимости режиссуры вообще. Вялое, но последовательное путешествие спектакля по театру пьесы иногда прерывается приступами фантазии. Волчек не оставила чеховский персонажей на произвол судьбы. Временами она как бы спохватывается, выбирает отдельные слова или целые эпизоды и выделяет, «окрашивает» их. Кто вскрикнет, кто шепнет, кто поставит интонацию поперек смысла реплики, кто лустится в гляс, кто повернется спиной к тому, на кого должен был бы смотреть в упор. Эти признаки режиссерского вмешательства рассыпаны по «Вишневному саду» нескупно, но ясности не вносят. Иногда ставят в тупик.

Скажем, Волчек так и не решила, какой же должна быть в ее спектакле Раневская: то ли заботливой матерью, то ли прожженной стервой, то ли кокетливой офранцузившейся дамкой, то ли хрупкой русской страдальцей. Марина Неелова пробует играть и так и эдак, точно примеряет целый гардероб, в котором ни одно платье ей не подходит, а как-то ей самой хочется надеть, она толком и не знает. Поэтому играет раздраженно и неуверенно. Про Раневскую трудно сказать что-то определенное. (Кроме того, что ситуация пьесы идеально «ложится» на жизнь актрисы: после нескольких лет жизни в Париже она, как говорят, вернулась в Москву.)

Прочим персонажам повезло больше. Хотя лучше уж неопределенность, чем такая доминирующая «краска», как, скажем, у Дуняши: озабоченная чем угодно, кроме дел по дому, девушка готова к тому, чтобы ее приласкал каждый встречный мужчина. К счастью, кроме престарелого Фирса.

Упомянутые минуты режиссуры смотрятся разрозненными всплесками на общем томительно-бесцветном фоне. Они решительно не желают складываться в целое. «Вишневному саду» драматически не хватает подлинного режиссерского авторства. Он словно глушит сам себя. Может быть, это ощущение навевают декорации Павла Каплевича и Петра Кириллова: вишневый сад, растущий по периметру ого-

ленного, без стен, подиума, странно напоминает гигантские заросли ваты. О костюмах Вячеслава Зайцева не скажешь вообще ничего. Костюмы как костюмы.

Возникает впечатление, что замысел спектакля ограничился выбором пьесы и распределением ролей. Что режиссер надеялась прийти к окончательному решению тогда, когда актеры выйдут на сцену. Но то ли на этот раз судьба отвернулась от театра, то ли, напротив, преподала жестокий, но необходимый урок: в конце века ставить «Вишневый сад» о том, о чем его ставили уже тысячу раз, невозможно. «А ты знаешь, меня в конце концов проняло», — запальчиво сказала мне после окончания спектакля приближенная к театру критикесса. Допускаю, что «поймет» всех тех, кто со школьных лет усвоил: последняя пьеса Чехова — про «разорение дворянских гнезд».

В финале, уже после слов Фирса, все персонажи вереницей теней выходят на авансцену и, прежде чем отправиться шеренгой в глубь сцены (сиречь в небытие), многозначительным движением одновременно набрасывают на себя серые пальто. Как тут не вспомнить великий «Вишневый сад» Джорджо Стрелера... Там, правда, пальто были белые.

Вряд ли это сознательная цитата. Спектакль Волчек не вступает ни с кем в диалог, не стремится никому конкретно в наследники и последователи. Он поставлен по мизансценам некоего «Вишневого сада» вообще, по правилам некоего среднеарифметического русского театра, для которого пьеса Чехова есть безусловное национальное достояние, неоспоримый факт великой традиции.

Именно поэтому перед началом американских гастролей можно с легким сердцем обещать московскому «Вишневному саду» успех на Бродвее. Не только потому, что там должны хорошо встретить тех, кого только что наградили. Еще и оттого, что театр идеально ответил на ожидания публики, для которой триада «Россия—Чехов—скучно» есть неперенный признак честно выполненного долга перед культурой.